

«Книга ... освещает наше
личное движение к истине».

М. Пришвин

СВЕТЛЯЧОК

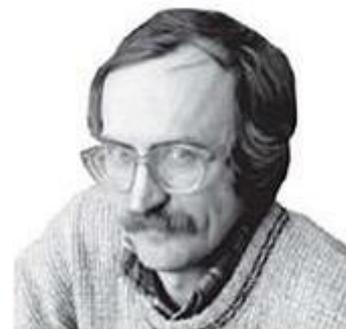
17.08.2015

№8 (53) Август 2015 года

- О классиках и прочем...

ВОЛЯ К ПОЭЗИИ

Нередко слышу рассуждения о том, что в наше время нет поэтов, как бы «равнозначных классикам»? Конечно, сама постановка вопроса, на мой взгляд, не совсем корректна. Что я имею в виду. Ведь Классика, в том числе, и поэтическая, это то, что «отобрано временем». Сколько лет должно пройти, чтобы поэт был признан, так сказать, «классическим»? Прямого и однозначного ответа у меня нет. Тем не менее, мы видим, что Иосиф Бродский уже фактически входит в школьную программу, хотя умер он не так уж давно. А если бы не умер, то входил бы? Если учесть, что Бродский – это Нобелевский лауреат в области Литературы, то, возможно, да, входил бы.

Кстати, а много ли мы знаем стихотворцев того же 19 или 20 веков, кроме тех, кого изучают в школе? Если не брать в расчёт специалистов-литературоведов и прочую литературную и околосредовую братию, а ограничиться только широкой публикой, я более чем уверен, что большинство людей даже не слышали имён поэтов, лучшие стихи которых в Русской поэзии остались и имена которых достойны того, чтобы входить в любые Антологии и Хрестоматии. Я уж не говорю о том, что те или иные стихотворения авторов, так сказать, «не первого ряда», стали основой для написания русских классических романов. Хотя, конечно, связь Поэзии и Музыки это «особая тема», о которой надо говорить отдельно, и, может быть, когда-нибудь я поразмышляю и об этом.

Впрочем, я немного отвлекся. Так вот, я абсолютно уверен, что хорошие поэты сейчас есть, и книги у них выходят (правда, незначительными тиражами, и далеко не у всех: есть ещё «финансовый фактор»), и в интернете уйма разных поэтических сайтов, на которых публикуются не только заведомые графоманы. Случается иногда слышать вопрос: «А почему же поэтов тогда не показывают по телевизору?». Что тут можно сказать? Действительно, ведь не показывают. Хорошо, а академических философов или художников мы по ТВ сегодня видим? Зато нас ежедневно и ежечасно «пичкают новостями про Украину, как будто в самой России все проблемы уже давно решены и кругом текут «молочные реки», обрамляемые «кисельными берегами».

Однако мы говорим о поэзии и поэтах. Иногда приходится слышать о том, что в нашей стране таланты не ценят при жизни, но после их смерти люди понимают, кого они потеряли. Ну да, отчасти, так оно и есть. Вот недавно, например, в Эквадоре покончил жизнь самоубийством примерно мой ровесник Андрей Ширяев. И критики заговорили о нём, как о «выдающемся поэте». С другой стороны, в России в настоящее время практически не вспоминают ни Владимира Соколова, ни Юрия Влодова, ни Евгения Блажеевского (намеренно называю заведомо разных авторов), имена которых при их жизни так или иначе «звучали», а такого поэта, как Константин Васильев (не путать с трагически погибшем живописцем «русского стиля»), прожившего всю жизнь в небольшом посёлке Борисоглебский Ярославской области, так и вообще мало кто знает. А ведь это, по мнению ряда исследователей, «поэтическая величина» уровня Николая Рубцова.

Впрочем, судите сами.

* * *

За крайней гранью мира и души
имеются иные рубежи,
но я-то это лишь предполагаю,
ступая осторожно по земле,
особенно – когда земля во мгле –
когда иду по краю.
Но край земли отсутствует. И вот
одна душа над бездною идет,
хотя еще не вырвалась из плена
телесного, еще не превзошла
земную жизнь. И белых два крыла

еще не обрела. Где перемена?
Мир неизменен – верен своему
предназначению: что с него возьму?
Меня он сам возьмет великодушно –
иль равнодушно? А, не все ль равно...
чужую жизнь – не грустно и не скучно.
Все ж интересно видеть этот свет
и знать, что ни меня, ни света нет,
при этом душу все же сберегая.
А дальше – что ж – пускай растёт сама

(продолжение на стр. 2).

(начало на стр. 1).

и тьму перерастает. Наша тьма
действительно уже дошла до края.
О, сколько жизней было мне дано!
Пусть было тело у меня одно,

пусть и душа, одна во всей Вселенной,
осталась неизменной: мне пора
воскреснуть вновь для света и добра,
для мира, для любви, для славы брэнной

Причём, я намеренно не стал искать лучшее, пусть даже на мой личный взгляд, стихотворение К.В. Васильева, а взял первое попавшееся. Думаю, что даже по нему читатели, которым не чужды стихи, сделают определённые выводы, и я буду рад, если кого-то всерьёз заинтересует творчество по-настоящему талантливого автора. Из других уже умерших значительных русских поэтов назову Николая Шипилова (а также прозаика и барда, писавшего удивительные песни: увы, и в этом качестве Шипилова «заслоняют» более известные Высоцкий, Галич, Окуджава, Олег Митяев и т.д.), имя которого я знаю довольно давно, а вот творчество по-настоящему «открыл» для себя сравнительно недавно. Хочу привести одно из последних стихотворений этого автора (не знаю, стало ли оно одной из шипиловских песен: в исполнении самого поэта-барда я этот стих, кажется, не слышал).

ИСХОД

Ты ищешь до коликов: кто из нас враг...
Где меты? Где вехи?
Погибла Россия – запомни, дурак:
Погибла навеки...

Пока мы судились: кто прав – кто не прав...
Пока мы рядились –
Лишились Одессы, лишились Днепра –
И в прах обратились.

Мы выжили в черной тоске лагерей,
И видно оттуда:
Наш враг – не чеченец, наш враг – не еврей,
А русский иуда.

Кто бросил Россию ко вражьим ногам,
Как бабкино платье?

То русский иуда, то русский наш Хам
Достойный проклятья.

Хотели мы блуда и водки, и драк...
И вот мы – калеки.
Погибла Россия – запомни, дурак.
Погибла навеки.

И путь наш – на Север, к морозам и льдам,
В пределы земные.
Прощальный поклон передай городам –
Есть дали иные.

И след заметет, заметелит наш след
В страну Семиречья.
Там станет светлее, чем северный снег,
Душа человечья.

Хочу перейти теперь к людям, которые ещё живы или о смерти, которых мне ничего не известно. Начну, пожалуй, с «загадочного» Якова Есепкина. Говорю с «загадочного», потому что никакой реальной информации об этом авторе нет, а та, что имеется, во-первых, весьма скудна, а во-вторых, возможно, что не соответствует действительности. Правда при желании читатель может найти десятки статей о создателе «Космополиса архаики» (так называется неизданная пока книга поэта, которая, судя по всему, если издать все произведения Есепкина, будет не тонюсеньким сборничком, а весьма внушительным по размеру фолиантом), но если посмотреть на стиль написания всех этих «критических эссе», легко будет сделать вывод о том, что их автором является один и тот же человек. Можно предполагать, что это именно сам поэт себя «пиарит», но доказать сие утверждение я не могу, поэтому будем считать, что это всего лишь моя «гипотеза». А вот и стихотворение автора, о котором идёт речь.

ГОТИКА ЭТО К БОГУ

Готика – это к Богу
Взвитые остря.
Перст указал дорогу,
Мы не прошли ея.
Слишком певцов любили
Мертвые ангелки,
Червным серебром били
Наши сирень-мелки.
Выбили всех именных,
Плачут эльфии вкруг,
Цветность циттаров тенных
Вьется армой подруг.

Ах, не рыдайте ночью
Милые девы тще,
Было Христу урочно
Зреть нас в адской свече.

Сами витые свечки
Иродам тем несли,
Тлили свое сердечки,
Багрием их свели.

Башни соцветно рдеют,
Смерть насылает сны,
Что ж ангелочки деют.
Что ж оне столь черны.

(продолжение на стр.3).

(начало на стр. 1-2).

Хоров альфийской фазы Бездною сонм граним, Твердь вознесла алмазы, Нет и оправы им.	Скажет одно молчанье Призрачна ль пустота. Вскроет небес мерцанье Золотом звезд уста.
Это венец и плата: Рамена сбило ржой, Август благие злата Прячет во храм чужой.	Трогая чернь покрова, Наших речей позор, Даже не пурпур Слова -- Плач полетит в простор.
Вновь засверкать планидам Попранным не дано, Узришь ли, аонидам И в небесах темно.	Вечность стезю изменит, Кровию правя стиль, Сердце мое возденет На потускневший шпиль.

Яков Есепкин, разумеется, своим творчеством может многих «напрячь», ибо язык его стихотворений намеренно архаичен, но при этом, впечатление, что мы читаем стихи неизвестного нам стихотворца, например, 19 века, у меня нет. Есепкин это, конечно же, целиком и полностью наш современник, а не «забытая звезда» прошлого, хотя, может быть, в «рекламных целях» и надо было бы выдать произведения поэта за творчество какого-то русского гения, который жил, например, в одно время с Пушкиным, но при этом вдали от столиц и светской жизни (в наше время сказали бы, от «тусовок»). Одним словом, провинциал, чудака и анахорет, крапающий свои вирши в какой-нибудь деревенской глуши, где они и сохранились в архивах местного музея. А что, хороший был бы «пиар-ход». Понятно, что наши учёные «светила» поахали бы да поахали: как это они «проглядели» в исторических анналах великого поэта? И вот здесь бы появился сам господин Есепкин, объявивший о том, что он решил малость «помистифицировать» литературную и научную общественность.

Да, я понимаю, что всё это было бы нехорошо. А хорошо нашим литературным «критикам» делать вид, что никакого Якова Есепкина вообще не существует? Нет, я бы ещё понял, если бы кто-то из наших критических «мэтров» попытался доказать, что претензии Есепкина на «гениальность» не обоснованы. Так ведь не доказывают. Просто молчат! Господа критики, ах, а Вы вообще-то в интернет заходите и читаете в нём современную поэзию, или вам надо, чтобы тот или иной автор застрелился, либо, на худой конец, ему дали Нобелевскую премию, и вот только тогда Вы скажете: «Да, это поэт!». И будете вопрошать друг друга: «А где же он раньше был?».

Там ведь, там и был, где мы все, то есть, в «сети». Хотя, наверное, нашим аннинским и бондаренкам тоже надо показать того или иного стихотворца в «ящике», и тогда они о нём «услышат», но пока этого нет, наши «столпы» литературно-критической мысли будут составлять списки 50 «лучших русских поэтов», в которых в лучшем случае найдётся место авторам, которым исполнилось лет 80 или больше. Более молодым у нас «дороги нет»!

Разумеется, я бы ещё долго мог «растекаться мыслию по древу», перечислять имена современных стихотворцев, которые, как минимум, заслуживают внимания рядовых читателей поэзии и профессионалов. Но, как говорил незабвенный Козьма Прутков: «Никто не обнимет необъятного». Тем более, нельзя этого сделать в пределах одной статьи. Вот почему я не буду больше испытывать терпение своих читателей, перечисляя тех или иных поэтов-современников. Думаю, что было бы целесообразнее о многих из них поразмышлять отдельно. И всё же трёх авторов, чьи стихи представляются мне, скажем так, интересными, я назову. Это Андрей Белянин (да, тот самый автор книг в стиле «Фэнтези»), Юрий Нестеренко и Алексей Широпаев. Причём, я понимаю, что двое последних для нынешней российской власти, «как кость в горле», но я-то веду речь не о политике, а о поэзии. По этой причине я хочу закончить свои «размышлизмы» относительно нейтральным широпаевским стихотворением, в котором мне видится определённая «перекличка» с великим Юрием Кузнецовым, а, может быть, отчасти, и идейный спор с ним. Если я прав, то это спор двух ярких русских поэтов, которые, возможно, никогда и не встречались при жизни, но какое это имеет значение? Мы же ведь знаем, что в каком-нибудь антологическом сборнике стихи этих авторов неизбежно встретятся.

(продолжение стр. 4).

(начало на стр. 1-3).

ЕРЕТИК

Завалились в Московии своды –
 Вот наука твоя, татарва.
 Я в Европе. Дышу на свободе.
 Тут уже зеленеет трава.

Тут уже зачернели запашки
 В золотящейся дымке полей.
 И белеют, гляди-ка, ромашки
 Среди горячих нерусских камней.

А у нас – непроглядные ночи
 И зимы нескончаемый бред...
 Где же ты, удивительный зодчий –
 Очи смелые, красный берет?

На конях, дерзновенных, как черти,
 На чумных венецейских ладьях
 Всё ищу тебя, Феоравенти,
 Я – приказа посольского дьяк.

Я ночью, укрывшись хламидой,
 У корней итальянской сосны.
 Мне в лицо нашептали планиды
 Звездоченья запретные сны.

И однажды на улочках узких,
 Настигая планиду свою,
 Я вдохнул полноценно, по-русски
 Ядовитого дыма змею.

И, под дождиком мелким плутая
 Среди двух итальянских берёз,

Как во сне, до мельчайшей детали
 Знаю всё, знаю всё наперёд.

Поклонясь божеству Аполлону,
 Пронизав оболочку вещей,
 Я найду тебя ночью в Болонье,
 Возле башни с часами твоей.

Сдвинем кубки и, выпивши залпом,
 Мы с тобой заключим договор.
 И вдвоём полетим через Альпы
 В пожирающий белый простор...

Воронье, крылатые кони –
 Глаз лукавый и буйная стать –
 Им не выжить в московском загоне,
 И обратно уже не сбежать.

Что потом? Откупоривай, фрязин,
 Наливай полнолунием зрачок.
 Твой товарищ в разбойном приказе.
 Завтра ехать ему на толчок.

Будет рядом толпиться отчизна,
 Лузгать семечки, жадно смотреть...
 Я сгорю на костре византизма,
 В золотую посаженный клеть.

И закаркает стая воронья,
 И запляшет на чёрных костях...
 А тебя в заревую Болонью
 Унесёт лебединый косяк.

Виктор Байгужаков,
 Яхрома

От редакции: С Виктором Байгужаковым мы знакомы
 по Каблуковским литературным чтениям.

• Нам пишут

Читаю «Светлячок»

Уважаемая Маргарита! С удовольствием прочитала многие номера вашей газеты. Публикации очень понравились, много знакомых имен я встретила на её страницах. Например, рассказ Эдуарда Эдуардовича Шимкевича – я его помню очень хорошо, он много лет работал в нашей школе, его все обожали, особенно старшеклассники.

Я же запомнила его по краеведческому музею – музей тогда находился в школе (первая школа, тогда еще – просто Андреапольская средняя).

Как он интересно рассказывал! Я училась еще в 5 – 6 классе и была уверена, что этот человек знает все!

Сегодня я увидела в вашей газете и свое стихотворение, благодарю вас искренне: оказывается, это очень приятно – увидеть в газете свой портрет и стихи! Спасибо, пришлю еще.

Татьяна Головкина (Булкина),
 г. Калязин

• **Западный форпост**

Этому автору наш город не чужой. Здесь прошло его детство, о котором сохранилось множество воспоминаний. Зная наперёд, что поедет на литературную встречу в День города Андреаполя, он не мог уснуть накануне, а мысли, подгоняемые памятью, ложились на листки.

Невыспавшийся, но счастливый до начала концерта в городском парке он обошёл все знакомые уголки. А потом прочел это стихотворение:

Олег Овсянников,

Торопец

АНДРЕАПОЛЬСКОЕ

ДЕТСТВО

Когда не молод и не стар,
 Когда тебе уж за полста,
 То вспоминаешь все дела
 Про то, как молодость прошла.
 Не только это, но и детство,
 Когда ты бегал босиком
 От строгой матери тайком
 Да с закадычным корешком,
 Ну, с Толькой Шкадовым, с Толяном,
 По рельсам, лесу и полянам.
 И как патроны мы копали,
 Потом кидали их в костёр,
 И прытью к срубам убежали,
 К нему прижавшись, ожидали
 Трескучих взрывов разговор.
 А утром в школу уходили
 С такой же стайкой огольцов.
 С оглядкой о том судили –
 Боялись порки от отцов.

А школа новая была
 И свежей краскою цвела.
 На берегу крутом Двины
 Издалека были видны
 И вход в неё, и окна, стены,
 И все молочно-белопенны.
 Она, как сказочный дворец,
 Под стук мальчишеских сердец
 Поёт, зовёт к себе, манит
 И тянет, тянет, как магнит.

А что за парни в школе были?
 Ну, словом, «летчики» одни.
 Нам небо снилось, им и жили.

Ведь за дорогой летуны,
 Там без конца идут полёты,
 Совсем учиться неохота.
 И свист, и рёв двигателей,
 Не слышно слов учителей.
 Скорей бы кончился урок!
 Вот дождались: звенит звонок.
 Толпой бегом скорей во двор.
 А там один лишь разговор,
 Переходящий в спор и крик:
 «Сухой!» «Неправда! Это «Миг!».
 А были как горды мальцы,
 Кто знал, что это их отцы
 Уходят в небо, в высоту.
 Я эту синь и красоту
 Сберёг, пронёс через года
 И с небом в сердце жил всегда.
 Для всех мальчишек был пример –
 Военный лётчик. Офицер!

Вот помню плавать как учили.
 Мне было шесть всего годков,
 Постарше кто, свели, скрутили
 И кинули в Двину с мостков,
 Где женщины бельё стирали.
 И ничего... не умирали.
 Те, кто кидали, плыли рядом,
 Чего бояться под приглядом?
 Эх, детство! Взять бы да вернуть,
 И в Андреаполь заглянуть.
 Да где там, много всяких дел!
 Доделай то, что не успел!
 А хочется взглянуть мельком
 На школу, на аэродром, на эту улицу, где жил,
 Где бегал ты и с кем дружил.

Зайди, пока жива она,
 Учитель первый – Лапшина!
 И поклонись ты в ноги ей,
 Теплом души своей согрей.
 Присядьте и поговорите,
 И потихоньку погрустите.
 Все: стали влажными глаза,
 Глядишь – покатится слеза.

Сказал, что думал, что хотел,
 Хотя не многое успел.
 Что ж это так: здоровье, годы.
 Но всё ж, какие непогоды
 Нам могут в этом помешать,
 Чтоб помнить всё и всё понять.

• Нижегородцы

АЛМАЗНЫЕ ЗВЁЗДЫ

Нанял раз барин мужика поле вспахать, а перед этим сказал ему:

– Вспахешь хорошо и быстро, одарю тебя щедро.

– Да уж куда там, – засомневался мужик, – знаем мы вашу щедрость. На кнут, да на крик...

– Но-но, – прикрикнул барин, не больно-то у меня. Сказал одарю, значит одарю. Говори, что тебе нужно, чего у тебя не хватает.

– Землицы у меня маловато, а остального всего вдоволь. И детей, и горя, и дыр в зипуне.

Погладил барин бороду, прищурил свой хитрый глаз и говорит ласково:

– Ладно, мужик. Дам я тебе земли, сколько душа твоя пожелает. Работай только хорошо.

Долгие весенние дни от зари до зари работал мужик на барском поле. На совесть работал. Наступил день расчета. Отправился он к барину, а тот уже поджидает его.

– Молодец, мужик, хорошо поработал! – похвалил барин.

– Старался, – отвечал мужик.

– Вот и награжу я тебя по заслугам. Как и обещал, бери у меня земли сколько хочешь, а точнее сказать, сколько сможешь.

– Это как понимать? – спросил мужик, предчувствуя в барских словах недоброе.

– А как договорились, так и понимай. Я тебе сказал, сколько душа пожелает. Вот и бери. Хочешь в ведра насыпай, хочешь в мешки, а хочешь горстями таскай. Как тебе удобнее. Бери, носи к себе на поле, рассыпай или кучками складывай, не мое дело. Как договорились, так и получай. Никакого обмана.

Говорит барин, а сам смеется. Понял мужик, что обманул его барин. Да делать нечего. Спорить, драться или судиться с ним бесполезно. Недаром пословица говорит: «С сильным не борись, с богатым не судись». Попросил мужик у барина два мешка муки взаймы, чтобы с детишками и женой зимой с голоду не умереть. Не дал барин муки. Велел со двора прогнать. И пошел мужик-бедолага, повесив голову, домой. Стал он думать, как барину за такой обман отомстить. День думал, два думал, а на третий придумал.

Продал он единственную корову-кормилицу, кое-что из хозяйства на базар отнес и купил на вырученные деньги у мастера-ювелира алмазную звезду. Велел он своей жене нарядиться в самый лучший сарафан, нацепил ей на грудь звезду и велел пройтись возле барского дома.

Прошлась мужикова жена раз, прошлась второй. Заметил барин у нее на груди бриллиант и тут как тут к мужику.

– Позволь, милый братец, узнать, – стал ласкаться к нему барин, – у кого ты для жены такую звезду купил?

Усмехнулся мужик в пушистые усы и говорит:

– Где же это, барин, видано, чтобы у бедного мужика деньги водились да чтобы он звезды алмазные покупал?

– А где же ты взял тогда эту звезду. Не на дороге же нашел, в самом-то деле? – недоумевал барин.

– Много будешь знать, барин, скоро состаришься, – осмелился дерзнуть мужик.

– Ну, милок. Это не по-братски, – взмолился барин.

– А ты, барин, со мной по-братски поступил?

– Ох, мужик. Ты, я вижу, старые обиды помнишь. Будет, браток. Забудем. А землицу обещанную я тебе отдам. Хоть завтра за ней приходи и забирай.

– Ладно, барин, – говорит мужик. – Отдам я тебе все свои звезды. Все равно их у меня много. А ты мне уж будь добр землицу.

Позвали на этот раз для порядка судебного писаря. Составил тот бумагу, по которой барин отдает мужику половину своей земли. Взял мужик бумагу, положил в карман.

– А как же звезды? – спросил барин.

– А звезды тебе сегодня вечером будут. Приходи.

Пришел барин поздно вечером к мужику.

– Давай, показывай скорее. Где они, родимые.

– А ты разве не видишь? – смеется мужик.

– Не вижу, – растерялся барин.

– Да вон они! – и мужик ткнул пальцем в небо, сплошь усеянное сверкающими звездами.

Открыл барин от удивления рот, выпучил от злости глаза, да так и остался стоять.

– Хочешь в ведра насыпай, хочешь в мешки или горстями таскай...

Михаил Малышев

• Новые стихи

**Маргарита
Петрова**

* * *

Судьбу-злодейку обманув,
Я выстрою свою страну.
Злу не оставлю места.
Там будет свет, покой и
лад
И милый сердцу листопад,
Зима – в фате невесты.

Весной прелестной наберу
Фиалок в солнечном бору
К торжественному балу.
Но в вымечтанной мной стране
Судьба стояла в стороне,
Печально улыбалась.

* * *

Я зарифмую главную беду,
кофейной гущей выплесну на лист.
Я столько лет с удачей не в ладу
и наблюдаю жизнь из-за кулис.

В затейливом рисунке разгляжу,
что выпадут юрист и гитарист.
Кофейному не рада миру, яду,
Хоть и сама плеснула их на лист.

Опять не в масть, не так, не там, не те...
Есть всё, но почему-то нет тебя.
И в сотворённой мною маяте
вновь поводы к разлукам и скорбям.

* * *

Грустный, с правильным лицом,
С виду ангел беспорочный
В час вечерний, неурочный
Стукнул ты дверным кольцом.

Совпадение чутких тел,
Нам казалось, не нарушить,
Но не совпадали души.
Огонёк всё тише тлел.

Шелест крыльев иль одежд
Смолк, и вкрался осторожно
Запах тонкий и тревожный –
Дух разбившихся надежд.

* * *

На бугре упаду и усну.
Ветер песней наполнит сосну.
Сладкой нотой вплетётся река
В эту музыку, что на века.
От седин до давнишней весны
Унесут меня песни сосны.

НА КРЫШЕ

Ходили парни в рост, без осторожки,
Таскали шифер снизу на канатах,
Как по проспекту шествуя по скатам.
Речь приправляли крепким русским матом.
И рисовались: так, слегка, немножко.

К опасности бравурное презренье
Написано на загорелых лицах:
Смотрите, мол, тут с нами рядом птицы,
А вам внизу испуганно молиться
За нашу бесшабашность и везенье.

Такие вот идут на амбразуры,
В атаку в полный рост, броском под танки.
И, будто на балу в последнем танго
На бис исполнив лучшие фигуры,
Споткнутся от случайной пули-дуры.

Не дай им Бог окопов, медсанбатов,
Пусть без наград, но и без похоронок.
Пусть их лучше приручат девчонки,
И «крыши» им, отчаянным ребятам,
Снесёт лишь от любви, не от набатов.

* * *

В глухариных болотах живут не одни глухари,
Да и те глохнут только в периоды яркой любви.
Не под стать токовищам людским, где, зови ни
зиви,
Упиваются славой, богатством, бахвалятся в хрип.

В превосходную степень возводят ничтожность
заслуг,
Льётся реками приторно-липкий словесный елей.
Не до песен им грустных, звучащих с весенних
полей,
Что ломтями кроил их отцов притомившийся плуг.

Зря стрекочет сорока, не видно желанных гостей.
Тонкой ниточкой к клюкве оттаявшей тянется
след.

В кацавейке поношенной сел на завалинку дед
Дождаться из города к праздникам майским
детей.

А в болотах глухарь к продолжению рода зовёт.
Да провьётся ль к глухим из глубин, из нутра этот
зов

Иль утонет в ненужности дел и бессмыслице слов,
В зыбком сне интернетно-экранных паучьих теней.

• Быльём поросло
*Про кушелевского конюха,
цыганку Зару
и жизнь крестьянскую*

История эта типична для русской глубинки, какой и является по сей день наш Андреаполь.

Шел 1861 год. Царем Александром II было отменено крепостное право. В поместье помещика Кушелева был конюх Иван Ушаков. Фамилия Ушаков произошла от прозвища УШАК, что означало: «невысокий», «мальчик», а ещё – человек с оттопыренными ушами. Ванька действительно оправдывал свою фамилию, был невысок ростом, но коренаст, а уж в лошадях души не чаял, за что и был в милости у помещика.

Когда царь издал указ о наделе в собственность бывшим крепостным так называемых надельных земель, Иван Ушаков получил несколько десятин земли в местечке Кремёно, находившемся в шести километрах от имения. Земля та оказалась такой каменистой, но Иван с женой и тремя «девками на выданье» начал свой нелегкий труд хлебороба. Правда надо было платить оброк и отрабатывать барщину, но сознание того, что земля своя, окрыляло. В 1870 году у Ивана родился долгожданный сын, Павел. В хозяйстве уже была лошаде́нка, корова, куры. Павел унаследовал от отца страстную любовь к лошадям, что и стало отправной вехой в его жизни.

Наступил год 1894. В России сменился царь. Умер Александр II, на престол взошел его сын Николай II, а семья Ушаковых все пахала землю, сеяла хлеб, лен. Дочери Ивана вышли замуж и отошли от отчего дома, Павел же ходил холостяком. Уж и мать состарилась, нужна невестка, помощница в доме, а Павел только с лошадьми возится.

Однажды по большаку, проходящему через деревню, по которому некогда ездили в каретах дворяне отдыхать не Андреапольский курорт, пришёл цыганский табор и остановился на берегу речки Кременки. Таких коней, как у цыган, Павел в своей жизни не видел. Ноги сами повели его в табор. Каждый вечер, закончив работу в поле, он бежал любоваться на лошадей.

Там и заприметила его черноглазая бойкая Зара, и запыхало любовью до сей поры молчавшее сердце Павла. Ушёл табор, а Зара тайком сбежала к любимому. Когда счастливые молодые ступили на порог отчего дома, отец с матерью онемели от удивления. Но тихоня Павел, а ему было уже 24 года, сказал: «Или она, или никто!».

Когда поехали венчаться в церковь в Луги, батюшка сказал, что негоже жениться на басурманке, окрестил Зару и дал ей имя Надежда. Молодых обвенчали, и стали они жить в родительском доме. Старики умерли, а в семье Павла что год, то рот, а к осени два. Родила Надёшка, как ласково звал ее Павел, девять детей, да в живых остались только шесть: Иван, Анисья, Анна, Владимир, Екатерина и последний, родившийся в 1918 году, Яков.

В стране свергли царя, прошли две революции (февральская и социалистическая в октябре 1917) сменился строй, а Ушаковы по-прежнему пахали землю, растили детей.

Началась Гражданская война. Большевиками была введена продразверстка, сбор продуктов для нужд армии и населения городов. Её осуществляли органы Наркомпрода, при активной помощи комитетов бедноты. Вначале забирали хлеб и зернофураж. В 1919–20 годах она была введена уже и на картофель, и на мясо. А затем почти на все сельхозпродукты. Зачастую при определении продразвёрстки исходили не из фактических излишков, а из потребности армии и городского населения. На местах изымался весь зерновой фонд и продукты, необходимые для питания семьи самого крестьянина. Вот и поумирали от голода в те тяжелые годы трое малолетних детей Павла, но последнего, любимого Яшеньку спасла мать, утаив в яме под кучей навоза картохи, да под двойным потолком амбара немного зерна.

(продолжение на стр. 9).

(начало на стр. 8).

В связи с переходом от политики военного коммунизма к НЭПу в 1921 году, продразверстка была заменена продналогом. Он взимался в виде процентов от произведенных крестьянином продуктов, исходя из количества едоков и наличия скота в ней. Снова честно и много трудилась семья Ушаковых, но, как и раньше, жила впроголодь. Подрастали дети. Старшие обзавелись своими семьями. В стране Советов началась коллективизация. Провозгласили курс на всеобщее объединение индивидуальных крестьянских хозяйств в коллективные. Крестьяне психологически не были готовы к объединению средств производства, да и уже существующие колхозы не убеждали в преимуществе общего труда. Если на своем подворье и земле хозяин знал, что когда он хорошо поработает, то вся семья будет обеспечена необходимой сельхозпродукцией, то в колхозе с 1930 и по 1966 годы, он работал за трудодни. Палочки в тетрадке, как их называли сами селяне. Трудодень – это мера оценки и форма учета труда в колхозе. Зарплата в конце года начислялась так. Доход колхоза после выполнения им государственных поставок и внесения натуральной платы за услуги МТС (машинно-тракторных станций) распределялась колхозникам согласно количеству заработанных трудодней.

Вступили в колхоз и Ушаковы: Павел с Надеждой и их сын Владимир с семьей, живший в соседнем доме. В колхоз «Заря» были сданы лошадь, корова и куры. Куры правда вскоре передохли в общественном хлеве, а кого лиса стащила. Павел был приставлен к лошадям. Любил он их, а своей Волге норовил охалку сенца получше подбросить, да наряд на работу полегче дать. Цыганка Зара – Надешка – совсем «обрусела». Не хуже русских баб управлялась дома и в колхозе. А когда жали рожь или стлали лен, далеко впереди других виднелись ее яркие широкие двухъярусные юбки, пристрастие к которым она питала до самой смерти.

Наступил год 1941, пришла на русскую землю война. Сыновей Ивана, Владимира и Якова взяли на фронт. Старики да бабы приближали победу над врагом, samozабвенно трудясь с тылу. Летом 1943 года Павел возил вместе с бабами зерно на гумно на тощем коне Орлике. Нагрузили большой воз, да сломалось колесо в гарае (большая телега), воз рухнул. А с ним и конь. Павел, пытаясь помочь коню, подставил плечо под оглоблю и был придавлен падающим конем. Так на семьдесят четвертом году жизни погиб Павел Ушаков. Надежда дожила до девяноста лет с сыном Яковом, нянчила его детей: Тамару, Виктора, Любу, да пела им цыганские песни.

Наталья Ушакова,
Андреаполь

На снимке: автор с мужем (потомком героев рассказа).

• Непридуманнные истории

К Р И К

Нина не планировала рожать второго ребенка. Ее Танечка была еще совсем маленькой. Одна с рук не сходит, а на подходе уже второй ребенок. Беременность эта была нежеланной. Просто так получилось.

Роды начались преждевременно. Акушерка, догадываясь, что мать не в восторге от такого поворота событий, сказала ей:

– Нина, роды у тебя начались на месяц раньше срока. Если ребенок не закричит, мы его оживлять не будем. Знаю из своей практики, что бывали такие случаи, что младенец, оживленный таким способом, потом становился ненормальным.

Нина молчала, как бы выражая этим свое согласие.

Сильным криком известил Николай о своем появлении на свет. Этот крик буквально оглушил всех, кто находился рядом. Доносился он и до первого этажа.

Многие тогда недоумевали: неужели младенец почувствовал тайный замысел акушерки и понял, что только сильный крик мог решить его судьбу.

Прошли годы. Николай рос таким крепким и сильным, что на улице называли его подосиновик. Все нормально у него сложилось в жизни. Женился, в семье подрастает трое детей. И навряд ли он знает о том судьбоносном крике.

Галина Ермолаева

• **Западный форпост**
Людмила Ефимова,
Торопец

* * *

Времена и племена
 Рок просчитывает строго,
 Эта странная страна
 Нам назначена от Бога.
 Журавли, да воронье,
 Да пророчица-кукушка –
 Это инобытие,
 Это времени ловушка.
 Здесь все так же – и не так,
 Как на прочем белом свете,
 За размеренным тик-так –
 Бесприютный в поле ветер...
 Здесь цари, что упыри,
 Обескровливают души,
 Ржавым языком зари
 Небеса лакают лужи...
 Божий храм или кабак –
 Разберешь ли за туманом?
 То по мертвым вой собак
 Или по мертвецки пьяным?
 По краям да по кровям
 Вечность зерна душ бросает.
 Этих далей сыновьям
 Черт ли ножку подставляет?
 Сосен запах смоляной
 И трясины гиблый морок –
 Край мой, страшный и родной,
 Мглу обнявший звездный полог...

Раиса Маккар,
Торопец

* * *

Вот и снова утро без ответа,
 Только сердце рвётся из груди:
 Мотыльком порхаешь в мире где-то,
 Больше ты ко мне не приходи!

Я от грусти по тебе устала,
 Жду и жду неведомо чего.
 Редких встреч моих с тобою мало,
 Я хочу иметь тебя всего!

Только безнадежна та надежда,
 Нипочём не сбудется, увы.
 Летним днём на сердце моём снежно,
 И зелёной не видать травы!

Песни соловьи свои допели,
 Отцвели весенние цветы.
 Толку-то, что далеки метели,
 Сердце заморозил снова ты...

Светлана Тимофеева,
Западная Двина

* * *

Белая бабочка — злая девчонка
 В выцветшей ситцевой старой юбчонке,
 Кружишься ты и порхаешь у речки.
 Осыпалось солнце на хрупкие плечи.
 А волосы светлым дождем на ветру...
 Забудусь во сне я только к утру.
 А днем снова встречу ее у реки.
 И снова она не подаст мне руки.
 Яркое солнце и искры в воде...
 Где же она? Я не вижу нигде.
 Только мелькнула уже вдалеке
 С белой косынкою в смуглой руке.
 Милая девочка, солнечный лучик,
 Не надо бы мне и встречать тебя лучше.
 Вот и хожу я теперь сам не свой.
 И, главное, в полном разладе с собой.

Лилия Савельева,
Западная Двина

* * *

Стихи, как жизнь: паденья, взлеты,
 Горенье душ и боль сердец.
 Нектар, что пчелы носят в соты,
 Невесты свадебный венец.
 Они, как лунное сиянье,
 Как дар, ниспосланный с небес.
 Как счастья миг, как покаянье,
 Как тяжкий судьбоносный крест.
 И как прекрасны те мгновенья,
 Когда уже нельзя сдержать
 Порывов мыслей сокровенных,
 Чтоб вдохновенью волю дать.

Светлана Виноградова,
Нелидово

ОТЧЕГО Я СЕГОДНЯ ПЛАЧУ

Занавеску колышет ветер,
 Я сижу на крылечке дачном.
 И никто ведь не знает на свете,
 Отчего я сегодня плачу!

Начиталась стихов я Петиных,
 Столяровских и Ритиных – тоже:
 В каждой строчке там Божья отметина,
 Ну, а мне отказал в ней Боже.

(Утешает меня Дементьев
 Под шуршанье июньской листвы:
 «Пусть другой гениально играет на флейте,
 Но ещё гениальнее слушали вы...»)

Отчего я сегодня плачу?
 Догадались, наверное, сами.
 Да, такая я вот чудачка –
 Проняло до слезы... стихами!

• Западный форпост

Сергей Осипов,

Торопец

* * *

Нас без салюта похоронят,
И сводки нас не помянут,
Ведь мы не взяли штурмом город,
Без нас его друзья возьмут.
Едва ль мы все назад вернёмся –
Такой удел наш на войне,
Лицом в землю навек уткнёмся
Мы на ничейной полосе.

Идёт разведка под цвет ракет,
Коль хрустнет ветка, считай – нас нет.
Идёт разведка – залог побед,
А нам, ребята, по двадцать лет.

Мы проползли намного больше,
Чем прошагали по земле.
Секунды наши тоже дольше,
Кто не был тут, поверьте мне.
И не завидуйте наградам,
Ведь каждый орден весь в крови,
Того, кто был со мною рядом,
Кого с разведки принесли.

Когда-нибудь, кто уцелеет,
Пусть соберутся за столом.
Кто до конца дожить успеет,
Пускай помянет нас потом.
Пускай сияние медали
Осветит путь, что мы прошли.
Мы города тогда не брали,
Мы их тогда лишь проползли.

Галина Берендеева,

Белый

ГОВОРЯТ...

Говорят, боль уйдёт, время лечит,
За зимой наступает весна,
Ожидают случайные встречи
И утраченных чувств новизна.

Говорят, что откроются двери,
Где захлопнется старая дверь.
Ну и как в эти притчи не верить,
Это всё не случайно, проверь.

Говорят, что скупой платит дважды,
Покупая дешёвый товар,
Обещая себе не однажды
Не ходить на торговый базар.

Говорят, без труда не поймаешь,
Даже рыбку в ближайшем пруду.
Говорят... Только вдруг понимаешь,
Что совсем не привычен к труду.

Лариса Иванова,

Торопец

ПЛАЧ ПО ДЕРЕВНЕ

На пригорок взбежала деревня,
А в деревне... тринадцать дворов!
Но не видно дымов над деревней
И не слышно мычанья коров,

И не слышно собачьего лая,
И горластых, с утра, петухов...
По домам без окошек витает
Дух забвенья и... прошлых стихов,

Что писали когда-то поэты,
Пели песни певцы про неё...
А теперь над деревней лишь... ветры
Завывают, и лишь вороньё

«Восседает» на крышах дырявых,
Своим карканьем сердце дробя...
А ведь, некогда, добрая слава,
Даже громкая, шла про тебя!

Кто посмел над тобой наглумиться,
Кто тебя обескровил, скажи?
Вновь тебе уже не возродиться,
Хоть какие пройди виражи!

Я стою на безлюдном пригорке,
Озирая пустынность окрест...
И душе моей больно и горько,
Ну, за что мне, скажи, этот крест.

Над тобою рыдать горожанке,
А душой прикипевшей к тебе!
Что-то вспомнился вдруг фильм «Подранки»,
Как созвучие в вашей судьбе...

Татьяна Иванова,

Белый

БЕГ ВРЕМЕНИ

Загораются новые звезды,
Исполняются новые песни,
Жизнь не только стихи, но и проза,
Проза жизни скучна, если честно.
Вырастают другие деревья,
Поднимаются новые горы,
И сменяются поколения
Отчего-то убийственно скоро...

• Итоги конкурса

«Это было со мной в Андреаполе»

В прошлом году в честь 525-го юбилейного года, который отмечал наш город, Андреапольская районная библиотека и литературно-краеведческая газета «Светлячок» в качестве подарка городу решили объявить конкурс короткого рассказа.

Длился конкурс год. За это время было прислано двенадцать рассказов. В основном авторы были из Андреаполя и района: Дмитрий Лицкевич (Скудино), Александр Павлов, Юрий Мотря, Любовь Мельникова, Лариса Могильницкая, Валентина Федотова (Андреаполь).

Прислали свои рассказы и трое нелидовцев: Светлана и Артём Виноградовы и Владимир Сучков. Участвовала в нашем предприятии и бывшая жительница Андреаполя, ныне живущая в Смоленске, – Светлана Копырюлина.

Из месяца в месяц следили вы за их публикациями на страницах «Светлячка». Но всему бывает конец. Завершился и конкурс. Жюри подвело итоги, и в День города на Поэтической площадке, организованной в городском парке, победительнице был вручен эксклюзивный, специально изготовленный

для этого случая Диплом и денежная премия. Победительницей стала юная жительница Андреаполя **Валентина Федотова**, приславшая на конкурс рассказ «Витька в сказочной стране».

Мы поздравляем победительницу, желаем ей дальнейших творческих успехов и ждём новых работ в нашу газету.

Большое спасибо всем, принявшим участие в конкурсе. Ваши работы целый год радовали читателей нашей газеты. За это время вы все стали нашими друзьями.

До новых приятных встреч!

Жюри конкурса:

Наталья Белякова (директор библиотеки);
Маргарита Петрова (редактор газеты
«Светлячок»);

Михаил Никоноров,
Александра Хребтова,
Владимир Юринов, члены литературного
клуба «Светлячок».

На снимке: вручение наград победителю.

• Земляки издалека

Написанное сердцем...

Плохо это или хорошо – я не знаю, но зачастую что-то случившееся, редко светлое и радостное, а именно грустное или даже трагическое, заставляет человека взять в руки ручку и писать. Писать стихи, прозу. Что-то неведомое собирается где-то внутри и требует выплеснуться наружу. Конкретно не знаешь, как будешь писать, но знаешь о чем. Стоит взять ручку, и ручка сама выводит строки. Рукой руководят не правила написания, а нечто другое. Это уже потом начинается редактирование, а иногда и не начинается, а остается вот так: написанное сердцем и кричащей душой.

У моей знакомой умер муж. Умер внезапно, скоропостижно. Все в их жизни было успешно. Семья, дом, дела, заботы, планы, мечты. Была любовь, да, да любовь с самого первого знакомства и прошла через сорок лет совместной жизни.

И в один момент все исчезло. За окном жизнь продолжалась. Остался дом, квартира, вещи. По улицам так же шли люди, гремели трамваи, а мужа нет.

Жена осталась, но стала другой. Она начала писать стихи, стихи, которых никогда не писала.

Эти стихи как поток, как лавина с гор обрушились на худенькую, хрупкую женщину. Как изголодавшийся человек и нашедший хоть в чем-то утешение, она начала судорожно, стараясь не пропустить, записывать эти стихи. Они настигали её дома, на улице, а она все записывала, записывала.

Стихи – разговор её сердца, её души. В них боль утраты, несправедливости, отчаяние, воспоминание, в них любовь. Любовь к человеку, которого уже нет. Читаю эти стихи и еще раз думаю о том, как мелко всё и суетно в будничной жизни. Не за те ценности зачастую мы рвем своё сердце и душу. Как всё преходяще, как нужно жить сегодня и как все успеть.

Светлана Копырюлина,
Смоленск – Андреаполь

Владимир Юринов**На картах не значит***Оглядываясь на эпоху: записки лейтенанта*

Вечером я вновь застал свою жену заплаканной.

– Я – в пять утра!.. – всхлипывая на моём плече, возмущалась она. – А они!.. Ну, я что ж, не понимаю?! Ну, дети!.. Но хоть бы по полкило!.. – жена ещё совсем недавно сама вышла из детского возраста, и потому обида, нанесённая ей, была горька и безутешна...

Чтобы хоть как-то успокоить расстроенную супругу, мы с ней в ближайшие выходные предприняли вылазку в Благовещенск, надеясь там купить хоть немного мандарин. Но в благовещенских магазинах за мандаринами стояли такие сумасшедшие очереди, что нам, имевшим в своём распоряжении всего несколько часов от поезда до поезда, соваться туда было совершенно бессмысленно.

Зато нам удалось купить две бутылки шампанского к новогоднему столу, что по тем непростым временам уже было большим достижением. Разжились мы также шоколадными конфетами и целой палкой «докторской» колбасы, так что, в целом, поездку в областной центр можно было считать удачной.

Такие вот поездки за продуктами были для нас делом привычным. Чаще всего, конечно, мы ездили в Серышево. Там тоже, впрочем, с продуктами было не ахти, и для того, чтобы купить что-нибудь стоящее, надо было знать «грибные места».

Так, мы разведали, что в серышевском военном городке, где жил лётный и наземный состав аэродрома Украинка, есть большой гастроном, в котором почти всегда можно было купить какой-нибудь «мокрой» колбасы или какого-нибудь замороженного хека (именно «или» – и то, и другое одновременно по какой-то таинственной причине в магазин не завозили). Отпускали там эти продукты тоже строго дозированно: колбасы – по полкило в одни руки, рыбу – по одному замороженному «хвосту». Кажется, – совсем мало, но если ехать вдвоём, то получалось уже более или менее прилично. В том же гастрономе часто бывали яйца и разливное подсолнечное масло.

Базара в Серышево, как такового, не было. Точнее, базар или, как их тогда называли, «колхозный рынок», был, для него даже были специально оборудованы прилавки и навесы (кстати, недалеко от того же военного городка), вот только под теми навесами и за теми прилавками всегда было пусто. А торговали «колхозники» не там, где это было удобней властям, а – в полном соответствии с рыночными законами – там, где было больше народу, то есть потенциальных покупателей. Торговые ряды, без всяких прилавков и навесов (деревянный ящик прямо на земле, а на нём, на газетке, предлагаемый товар), располагались недалеко от вокзала – вдоль дощатого тротуара, ведущего к пешеходному мосту через железную дорогу. Впрочем, выбор на этом рынке был тоже очень и очень скудным: летом – зелень да немудрёный овощ с огорода; зимой – домашняя консервация да замороженное молоко в разновеликих отвесах в форме всевозможных мисок и кастрюль. Редкой удачей было купить на этом рынке курочку, домашний творог или, к примеру, свежую рыбу.

Ещё одно «грибное место» находилось в здании серышевского ресторана. Сам ресторан занимал в этом здании весь второй этаж, а под ним, на первом этаже, размещался магазин «Кулинария». Там, тоже почти всегда, можно было купить сливочного масла и сметаны. Правда, продавали там продукты с приличной ресторанной наценкой, но на такую мелочь никто из орловцев никогда внимания не обращал.

А теперь, уважаемый читатель, представь: в одной руке у тебя трёхлитровый бидончик, полный подсолнечного масла; в другой – сумка, в которой стоит стеклянная банка со сметаной и уже начинает плавать «в собственном соку» оттаивающий хек; на коленях – целый (пока ещё) лоток яиц, – и ты едешь в переполненном автобусе по не самой лучшей из российских дорог. Правда, захватывающий сюжет?..

В двух километрах от Орловки, со стороны Серышево, находилась деревня Верное, которая была примечательна тем, что её единственная улица была заасфальтирована. Пятьсот метров прекрасного ровного асфальта – кстати, единственного во всей округе. Все орловские велосипедисты летними вечерами съезжались сюда, чтобы насладиться быстрым и ровным (а не как обычно, по бетонным стыкам – тыгдым-тыгдым!) катанием. Но на въезде в Верное со стороны Серышево, как раз перед началом этого асфальтированного участка, в дороге зияла огромная колдобина. Она была столь внушительна, что даже получила своё собственное наименование. «ТА колдобина!» – с уважительным придыханием говорили про

(продолжение на стр. 14).

(начало на стр. 13).

неё орловцы. Много за долгую и насыщенную жизнь этой колдобины было разбито в ней рессор и амортизаторов, много было в ней оставлено глушителей и шаровых опор...

Так вот, это я к чему. Водители местных автобусов, эти лихие приамурские джигиты, перед упомянутой колдобинной, конечно, притормаживали. Не тормозили, а именно притормаживали. Ощущаете разницу? Так что проспаться Верное было совершенно невозможно. Всякий орловец знал, что если он вдруг взлетел под потолок автобуса и долго не может приземлиться, то это значит – «ТА колдобина!». Это значит – дом уже близок! Это значит, что пора быстренько просыпаться, собирать с пола своё рассыпавшееся барахло, искать под ногами пассажиров своего сбежавшего хека, соскребать с окружающих попутчиков свою сметану и плавненько, плавненько, под доброжелательный мат окружающих, готовиться на выход. Поэтому-то орловских старожиллов и нельзя было удивить ни потёками подсолнечного масла на стёклах автобуса, ни следами разбитых яиц на его потолке.

Ну что, о продовольственных продуктах мы поговорили обстоятельно. Осталось сказать пару слов о промтоварах.

Промтоварный магазин в Орловке занимал одну комнату в двухкомнатной квартире (во второй комнате и в кухне размещались, соответственно, склад и подсобка) и своими размерами и ассортиментом, скорее, напоминал галантерейную лавку: ремни, шнурки, мыло, зубные щётки, сапожный крем, военная фурнитура и прочая мелкая мелочь.

Из одежды присутствовал только военный ассортимент: форменные туфли, рубашки, фуражки, галстуки.

Из бытовой техники купить здесь можно было разве что фонарик на батарейках, а из мебели – пепельницу.

Поэтому за всяким более или менее крупным товаром орловцы ездили в Белогорск.

Люстры, гардины, ковры, книжные полки, торшеры, утюги, электроплиты и пр., и пр. везли в руках; велосипеды гнали своим ходом (шестьдесят километров, между прочим!); для доставки крупногабаритной мебели, стиральных машин и холодильников оформляли под какой-нибудь попутный прогон грузовик в батальоне обеспечения. Случалась такая оказия нечасто, поэтому обычно под выделяемую машину «кучковалось» сразу несколько человек, которые сами же выполняли и роль магазинных грузчиков.

Впрочем, одежду и обувь в орловский магазин всё-таки привозили. Но в свободную продажу этот товар никогда не поступал, а распределялся исключительно по талонам.

В гарнизоне работала специальная «вещевая комиссия», составленная из представителей всех частей, которая распределяла приходящий дефицит по нуждающимся. Чтобы попасть в список нуждающихся, надо было написать рапорт на имя своего непосредственного начальника: мол, так и так, я, имярек, остро нуждаюсь в зимних ботинках 42-го размера, а жена моя, имярек, – не менее остро – в зимней куртке 46-го размера, второго роста. Непосредственный начальник рапорт этот рассматривал и давал ему ход. После путешествия по инстанциям рапорт наконец попадал в «вещевую комиссию», которая, исходя из имеющихся в её распоряжении рапортов-заявок, а также руководствуясь некими своими высокими соображениями, не всегда доступными для простых смертных, уже и распределяла поступивший в магазин товар. Через месяц-другой-третий после написания рапорта счастливчики вызывались к замполиту и получали на руки заветный квадратик тетрадной бумаги размером 5х5 сантиметров с лиловой печатью и невнятной надписью, типа: «бот. зим. м. 42» или «пух. ж. 46-2», с которой радостно бежали в магазин. Впрочем, обладание заветной бумажкой ещё ничего не гарантировало. Вполне могло оказаться, что зимние ботинки в наличии есть, но они не 42-го, а 41-го размера, или пуховик на жену тоже имеется, и даже нужного 46-го размера, но, увы, он не второго, а четвёртого роста. И вот тут надо было принимать непростое решение: или выбирать «синицу в руках», то есть брать то, что есть, с хрупкой надеждой – в будущем обменять на то, что надо; или уповать на «журавля», то есть отказываться от товара и затевать канитель с новым рапортом, зная, что в «вещевой комиссии» напротив тебя в соответствующей графе уже проставлена жирная «птица», и в ближайшие год-два ещё раз претендовать на ботинки для себя или на куртку для своей жены ты уже просто не имеешь права.

Талоны в Орловском гарнизоне выдавали ещё на один вид товара. А именно – на спиртные напитки. Распределяли спиртное по спискам. На каждого совершеннолетнего члена семьи полагалось в месяц два талона – на две бутылки: водки или вина – на выбор.

Впрочем, тема спиртного в Орловке столь обширна и многогранна, что требует для себя отдельной главы. И эта глава обязательно появиться в нашей книге. Но немного позже. А сейчас я хочу закончить главу о магазинах, закончить её маленькой, но весьма показательной историей, приключившейся со мной в последние дни морозного декабря 1986 года.

(продолжение на стр. 15).

(начало на стр. 13-14).

Надвигались новогодние праздники. В нашей холостяцкой квартире естественным образом возник вопрос о праздничном столе. Несколько спешно организованных целевых «экспедиций» в Серышево, Белогорск и Благовещенск сняли, в основном, проблему закуски. Наш родной авиационный спирт позволял нам не заморачиваться насчёт крепких спиртных напитков.

Оставалось главное – шампанское (мы, как утончённые гурманы-аристократы, не мыслили свой новогодний стол без пары бутылок «Советского» полусладкого, ну, или, на самый худой конец, – полусухого). Несколько попыток добыть вожделенный напиток в ближайших окрестностях не увенчались успехом, поэтому было решено снарядить гонца в стольный град Хабаровск. Жребий пал на меня. В последнюю субботу 1986 года я тронулся в путь.

Хабаровск встретил меня густой морозной дымкой, серым скрипучим снегом и предпраздничной суетой. Винно-водочные магазины открывались в ту пору в 14 часов, поезд мой прибыл в Хабаровск где-то около десяти утра, но я знал, что времени на прогулки у меня нет – надо было поспешать, дабы занять место в очереди, обеспечивающее гарантированное попадание в магазин. Ближайший к вокзалу винно-водочный находился на Уссурийском бульваре. Я бодрым шагом прошёл несколько кварталов, завернул за угол и... уткнулся в хвост очереди, извиистой змеей уходящей в морозную даль. Уточнив, что эта очередь именно от винно-водочного, я пристроился в её конец, поднял повыше воротник, поглубже засунул руки в карманы и настроился на многочасовое ожидание.

Естественно, очередь в своём подавляющем числе состояла из мужчин. Извечное стремление сильного пола к сильным ощущениям, в том числе и к тем, что заключены в расфасованную в стеклянную тару «огненной воде», свело в одно время в один участок пространства представителей всех социальных слоёв, начиная от сизолицы «братьев по разуму» и заканчивая очкастой интеллигенцией. Офицерство, разумеется, также было представлено в ней в достаточной мере.

Очереди в винные магазины были в ту пору, пожалуй, наиболее демократичными местами в стране победившего социализма. Ну, скажите на милость, в каком ещё другом месте можно было увидеть, к примеру, ондатрошапкового доцента из какого-нибудь заумного НИИ, естественно и непринуждённо беседующего о, скажем, результатах последних матчей хоккейного чемпионата с брутальнейшим «васей» абсолютно сантехнического вида в невообразимом треухе и проржавевше-прогоревшем ватнике?

Очередь глухо покашливала, притоптывала унтами и валенками, прихлопывала рукавицами, исходила паром и сигаретным дымом и терпеливо дожидалась четырнадцати часов – времени «открытия Сезама».

Я, думая о чём-то своём, несколько отрешился от окружающей действительности и только часа через полтора томительного ожидания вдруг заметил маячащую впереди меня, человек через двадцать, знакомую спину, обтянутую офицерской шинелью. Боясь ошибиться, я «застолбил» за собой место в очереди и кинулся вперёд. Точно! Это был мой брат Олег – задубевший, краснолицый, в заиндевевших очках, с повисшими на кончиках усов забавными маленькими сосульками.

Радость была взаимной. Брат мой служил в то время в Облучье, расположенном в трёхстах пятидесяти километрах от Орловки, и наши встречи были не так часты, как того нам обоим хотелось.

Следующие полчаса прошли в охах, ахах, взаимных расспросах и рассказах, как оно и водится между двумя родными и давно не видевшимися людьми.

Наконец эмоции улеглись и мы «вернулись» на грешную землю, в злополучную бесконечную очередь – курящую, кашляющую и матерящую всё вокруг, начиная с пробирающего до костей мороза и заканчивая «родным» Политбюро с его «трижды грёбанной антиалкогольной кампанией». Я, разумеется, оставив своё место в очереди, перебрался к брату, и мы принялись коротать время вместе.

Ещё часа через полтора, когда утренняя дымка слегка рассеялась и белёсое декабрьское солнце сделало окружающую действительность если не теплей, то, по крайней мере, приветливей, я обратил внимание на возвышающуюся впереди, человек через тридцать, ладную фигуру офицера в армейском бушлате и в шапке с завязанными «по-полевому», на затылке, ушами. Фигура эта показалась мне знакомой. Я толкнул локтём брата и показал ему вперёд. Олег взгляделся, снял очки, протёр их о сукно шинели, надел, снова взгляделся и... радостно толкнул локтём меня. Сомнений быть не могло! Впереди, возвышаясь над окружающей толпой на целую голову, стоял в очереди наш двоюродный брат Толик. Мы с Олегом знали, что Толик был недавно переведён служить из Белоруссии на Дальний Восток, в Райчихинск, но даже точный адрес его в Райчихинске был нам ещё неизвестен, не говоря уже о каких-либо других подробностях его нынешней жизни. Надо ли говорить, что спустя пару минут мы с Олегом оказались ещё на тридцать человек ближе к вожделенным магазинным дверям.

(продолжение следует).

• Лимерики

Лимерик – это популярная форма короткого юмористического стихотворения, построенного на обыгрывании бессмыслицы, возникшая в Великобритании. Авторы, пишущие лимерики, как правило придерживаются одного из двух направлений. С одной стороны, можно строго соблюдать все технические особенности формы при том, что описываемая ситуация должна быть достаточно гротескной; сторонники другого направления делают основную ставку на остроумную, необычную развязку, содержащуюся в последней строке, и придают большое значение оригинальности рифмы.

Традиционно лимерик имеет пять строк, построенных по схеме ААВВА, причём в каноническом виде конец последней строки повторяет конец первой. Сюжетно лимерик строится примерно так: в первой строке говорится, кто и откуда, во второй – что сделал, а далее – что из этого вышло. Чаще всего лимерик написан анапестом (1-я, 2-я и 5-я строки – трёхстопным, 3-я и 4-я – двухстопным), реже амфибрахийем, ещё реже – дактилем.

**Игорь Столяров,
Нелидово**

Над корытом рыдала старуха,
Что в дому приключилась проруха,
Во хибарах – разруха,
Во дворцах – разворуха,
А на рыбок волшебных – непруха.

Падишаха я знал одного:
Все наложницы в доме его
За любовь и кровать
Поклялись танцевать
Не щадя живота своего.

Пограничник у Южных Курил
Чай готовил и трубку курил,
И, наверно, нечаяно,
А скорее, случайно
Вместо чаю табак заварил.

Секретарша по имени Фрося
Как генсек, отдыхала в Форосе,
Но дрожала в душЕ:
Вдруг придет новый шеф
И вот так же с работы "попросит"!

Нездоровый шофер из Сантьяго
Предпочел страхование ОСАГО,
А другой, из Дамаска,

Захотел Автокаска...
И к чему им вся эта бодяга?!

Как-то пьяный китайский полковник
Уронил на министра половник.
А политик вспыллил
И вояку пилил:
«Вы, полковник, такой... бестолковник!»

Как-то очень чудной демократ
Покупал на базаре домкрат:
«Буду я, вашу мать,
Им страну поднимать –
Без домкрата трудней во сто крат!»

**Наталья Иванова,
Пено**

В Катманду, в королевстве Непале,
Всех зверей от чумы прививали,
А один крокодил
Непривитым ходил.
Вы в Непале его не видали?

У певички из города Рига
На курорте случилась интрига.
И карьера пошла –
Пятый год Юрмала
О ней пишет в журналах и книгах.

Одиноким старик из Берлина –
В прошлом бабник, игрок и скотина.
Он на старости лет
Приходил на обед –
Отношенья налаживать с сыном.

Хохотушке-толстушке из Хуста
Доктора прописали капусту
И теперь на столе
Не салат оливье,
А бочонок закуски с хрустом.

Альпинист-верхолаз из Прованса
До вершины всегда добирался.
Поднимался и пел,
А назад не глядел –
Высоты он с рожденья боялся.

В небольшом городке Андреаполе
Как-то цапли лягушек всех сцапали.
Но, не съев ни одной,
Отпустили домой
Ради дружбы укропов с цацапами.

Молодой стихотворец из Езно
Слыл поэтом талантливым местным.
Только был не таков –
Не писал он стихов,
Но они из него так и лезли.